

Т е а т р

Роль на зрелость

УТРО вставало над древним Вильнюсом. Туманное, серое. Эдуард шел по знакомым с детства узким улочкам и переулкам. Шел и улыбался редким в рассветный час прохожим. Часто останавливался, рассматривал бережно свернутый в трубочку аттестат зрелости, только что полученный на выпускном вечере в родной школе-одинадцатилетке. Впрочем, не только что. Это было уже вчера. А завтра — Москва, театральное училище им. Щепкина, куда Эдуард Марцевич поступит, обязательно поступит, каких бы это трудов ему ни стоило.

Конечно, это не впервой Эдуарду. Ведь он рос в семье актера, много-много раз и сам играл на сцене в художественной самодеятельности школы, в клубах. Играл Ромео и Овода! Но сейчас? Откуда эта противная дрожь в пальцах и сухость в горле? А ведь с каким искренним доброжелательством смотрит на него эта пожилая женщина, черты которой знакомы, кажется, уже много, много лет, — известная в стране артистка Пашенная? Да и другие члены комиссии... В их взглядах — сочувствие, подбадривающая теплота, желание тебе большого успеха. И напряжением воли Эдуард кладет между ними и собой какую-то грань. Его уже здесь нет, он — это не он, Эдуард Марцевич. Он —

артист РСФСР Евгений Валерьянович Самойлов. С первой до последней картины Эдуарда не покидало какое-то особое, властное чувство. В нем были и восхищение, и необычный душевный подъем, и радость. Большая радость человека, увидевшего настоящее сценическое мастерство.

В эту ночь Эдуард читал и перечитывал гениальное произведение Шекспира, читал с первых строк, забегал в конец, выхватывал наиболее потрясающие его слова из середины пьесы. Уснул поздно, но весь следующий день был бодр и свеж, разве только немного рассеян, ибо мысли юноши время от времени снова возвращались к Гамлету. Вечер провел в читальне. Сколько книг шекспироведов побывало у Эдуарда, он не сказал бы и сам.

И вот родилось желание самому попробовать свои силы в этой роли. Надо попытаться, ведь это тоже учеба. И какая

учеба!

К мысли Эдуарда почти все отнеслись скептически. Довод, собственно, был один: молод. Очень молод. И неопытен. Однако это не охладило душевного пыла юноши. Сделаю по-своему! И сделал. Ровно год потребовался Марцевичу, чтобы сказать доценту Григорию Николаевичу Дмитриеву: «Посмотрите меня в этой роли!».

Отзыв был по меньшей мере осторожным: «Может быть, из этого что-либо и выйдет!». Но и эти слова были для Эдуарда настоящей похвалой.

Близилась сдача дипломной работы — позади четыре года учебы, массовые сцены в Малом, где рядом с тобой, всего в двух шагах — народная артистка СССР

Гоголева — герцогиня Черчилль из «Стакана воды», или Ильинский — отец Никиты во «Власти тьмы». Вот уже несколько месяцев готовится он к дипломному спектаклю: предстоит сыграть Шарля в балетно-закавказской «Евгении Гранде». Но получилось не так, как думалось. Заболел дипломник, готовивший роль Алексея в «Оптимистической трагедии». И Эдуард смело пошел на риск: за несколько дней подготовил новую роль, вышел на сцену в дипломном спектакле... и получил «пять»!

Сегодняшний Гамлет для горьковского зрителя необычен. Перед нами — непривычный в этом образе юноша, совсем еще молодой человек, играющий без парика и почти без грима. Он по-настоящему глубоко удрочен гибелью отца, он растерян, попав в тюрьму, что именуют здесь королевским двор-

цом, он со страхом ощущает обволакивающую его пелену подлости, грязи, интриг. Гамлет — Марцевич сброшен с вершин чистой юности в зловонную топь Эльсинора, от которой он был так далек в годы учебы в Виттенберге.

Что делать, где выход? И Гамлет — Марцевич ищет верного пути; едва встав на него, отступает, снова ищет и снова отступает. Мятущаяся душа, душа неокрепшего в житейских невзгодах молодого человека...

И невольно думается: не в том ли причина успеха, что актер не рисует героический образ орла-одиночки, а приоткрывает юное сердце простого смертного, — только одетого в костюм принца.

Да, этот Гамлет — человек с теми же слабостями и недостатками, исканиями и ошибками, с теми же раздумьями, которые присущи любому другому, будь то принц, мореход или простой солдат.

Трудно сказать, был ли случай в истории театра, когда в роли Гамлета на профессиональной сцене выступал 22-летний актер. Но факт остается фактом: игра Эдуарда Марцевича в ансамбле Московского театра имени Маяковского свежа, искренна, оригинальна. Горьковские зрители встретили его очень тепло. Эдуарду Марцевичу, артисту-комсомольцу, не хватает еще опыта, но ведь это — дело будущего. А оно для Марцевича обещает быть полным больших творческих поисков и удач. Поручкой тому — горячая любовь молодого артиста к искусству, то большое внимание, которым Эдуард окружен в театре, руководимом народным артистом СССР Николаем Павловичем Охлопковым.

Ю. ИВАНОВ.

НА СНИМКАХ: сверху — Э. Марцевич — Гамлет, внизу — Эдуард отдыхает возле кремлевской стены.

Олег Кошевой, гордый, смелый человек.

Эдуард кончает читать, и снова он — юноша из Вильнюса, стоящий перед строгими, умудренными опытом судьями. Кажется, довольный. О чем-то оживленно говорят вполголоса, согласно кивают головами друг другу.

...Принят! «Ну, теперь, за работу, теперь не до отдыха» — думает Эдуард, любовно поглаживая обложку студенческого билета.

И это не были лишь благие намерения. Юноша жадно ловит каждое слово своих педагогов, а вечерами — или читальный зал, или зал какого-либо из московских театров. Именно там и произошло то, о чем до сих пор не может забыть Эдуард. В театре им. Маяковского давали «Гамлета». Заглавную роль играл народный